

— Дмитрий, понятия “кино для избранных” и “кино для всех” прочно вошли в обиход. Как вы относитесь к такому делению?

— Честно говоря, не очень понимаю его принцип. Как определить, кто избранный, а кто — “все”? Нормальному интеллигентному человеку говорить, что он принадлежит к избранным, как-то неловко. И уж тем более не с руки причислять других к толпе, которая чего-то там не понимает. На протяжении длительного времени мы со сценаристом Олегом Даниловым ставим своего рода эксперимент. Пытаемся делать кино для избранных, которое будет интересно всем. И, как свидетельствует опыт показа картин “Изыди”, “Ты у меня одна”, “Четвертая планета”, “Все будет хорошо” разной публике, кое-чего на этом пути добились.

На самом деле задача тут одна. В жизни людей все раздвигает — пол, национальность, социальное происхождение, характер, воспитание. Поэтому все мы — разобщенные и в глубине своей одинокие. А что дает возможность испытать эмоции единения? Зрелище. Люди ходят и будут ходить в театр, кино, потому что у них есть потребность всем вместе собраться, чтобы посмотреть зрелище, чтобы всем вместе плакать, смеяться, волноваться, переживать. Это очень важно — почувствовать, что ты не одинок в этом мире. Ну а как этого достичь — уже вопрос таланта и владения профессией.

— Начинали вы как театральный режиссер и прослыли человеком конфликтным. Это так?

— Недавно у меня произошел конфликт с ленинградской театральной критикой. В результате я ушел из Театра комедии, который четыре года возглавлял. Была развернута кампания, суть которой сводилась к тому, что Астрахан все развалил. А главная претензия, которую предъявили мне и Данилову в качестве завлита, была: “У вас на спектаклях смешно!” На одном из обсуждений так и было сказано: “Товарищи, что происходит? Публика смеется животным смехом!” Я едва удержался, чтобы не спросить: “А как еще вести себя людям в Театре комедии?” Но контракт со мной управление культуры перезаключать не стало.

Случались и конфликты поменьше. Когда еще учился на первом курсе электротехнического института, был выгнан из комсомола. За что? Не ходил на занятия, потому что знал всю программу по урокам в математической школе. На контрольных же обычно получал “пять”. Раз математика поставила меня курсу в пример, что радости у всех, как понимаете, не вызвало. А поскольку я тогда увлекся театром, самостоятельностью и вообще жил своей жизнью, у сокурсников появился повод исключить меня — за отрыв от коллектива.

Да и позже, когда поступил в театральный институт на режиссуру, шероховатости в отношениях с товарищами возникали. Потому что бы, что мои работы отбирались для публичного экзамена, а чьи-то другие — нет. Педагог у нас был замечательный — Александр Александрович Музиль, можно сказать, классик: в его спектаклях одновременно играли Симонов, Черкасов, Меркурьев, Толубеев. И он всегда говорил: “Зритель заплатил за билет, он кровный рубль отдал. Так удивите его!” Я это навсегда усвоил. Когда после института уехал работать в Свердловский ТЮЗ, так “удивлял”, что мой спектакль “Красная шапочка” обком принять отказался. Но это не помешало отработать там шесть лет, даже обязанности главного режиссера исполнять. Потом Георгий Александрович Товстоногов пригласил меня на стажировку в

В Санкт-Петербурге Дмитрий АСТРАХАН известен как театральный режиссер. В остальной России — прежде всего как кинорежиссер, автор фильмов “Изыди”, “Ты у меня одна”, “Все будет хорошо”, “Четвертая планета”. По жанру эти картины абсолютно различны: драма, мелодрама, комедия, фантастика. Роднит их стабильный успех у публики. Рецепт этого успеха, по Астрахану, прост: делать кино для избранных, интересно всем.

ую, третьему — овсяную?” Мама удивилась: “Не заставляй же каждого есть то, что он не любит!” И в этом был принцип нашего дома — все вместе и все — разные. И все могли рассчитывать на совет, защиту и помощь. Наверное, поэтому на конфликты со средой я шел без боязни — всегда чувствовал свою защищенность.

— А какую кашу вы любили?
— Помню, какую не любил — овсяную. И вообще предпочитал кашам яичницу. Колесился разве что между глазуньей и болтуньей.

— Как сложилась судьба взрослых на разных кашах братьев?

— Все в Америке. Уезжали

“Идея классная. Теперь нужен гениальный сценарий”. Дальше работа была проста.

— Фильм “Изыди” снят по Шолом-Алейхему?

— Из Шолом-Алейхеа там нет ни одного слова. Взял один мотив. В “Тевье-молочнике” есть глава “Изыди” — про то, как приходит урядник и говорит, что надо сделать фиктивный погром. А дальше заработала наша фантазия. Но когда сценарий приняли, оказалось — нет денег. Средства я доставал сам: “Изыди” — чуть ли не первая спонсорская картина на “Ленфильме”. Добавлю, что ВГИКов мы с Даниловым не кончали и всю кинонауку познавали на практике.

поступок. В “Изыди” хватается за топор, чтобы защитить свой дом. В картине “Ты у меня одна” муж отказывается ехать в Америку и остается с женой. В фильме “Все будет хорошо” жених отпускает невесту с любимым. И все они становятся нам симпатичны, мы же рассказываем о хороших людях.

— А злодея главным героем вы бы не сделали?

— Наверное, нет. Хотя зарекаюсь не берусь. “Макбет”, например, — очень хорошая пьеса, хотя главный герой — злодей. Но мы видим, как он приходит к злодеянию, и это производит неизгладимое впечатление.

— У американцев существует

нарий для шестнадцатисерийного фильма о нашей жизни, о нашем времени. Рабочее название — “Зал ожидания”.

— Сами вы на жизнь смотрите оптимистически? Верите, что все будет хорошо?

— А разве по мне не видно? Конечно, оптимистически! На бытовые тяготы не жалуюсь — они меня не касаются, потому что я к ним безразличен. Знаю, что могу отрешиться от всего. И в своих знакомых, людях, несомненно, талантливых, это свойство тоже замечаю. Конечно, это большое счастье, когда в жизни есть мечта, к которой ты стремишься. Это может быть что-то конкретное, может быть состояние души — словом, то, что трудно сформулировать. Просто надо верить, что человек способен творить чудеса. Знаю это, потому что видел близких мне людей проходящими через очень сложные жизненные ситуации. Мой старший брат попал под поезд, лишился ноги, это была жуткая трагедия. Но он сумел стать заслуженным изобретателем, счастлив в семье, отец двоих детей. В Америку он приехал инвалидом, вдобавок без знания английского.

— Считаете, что жизнь зависит только от самого человека?

— Во многом. Может быть, даже во всем. Человек способен творить чудеса.

Знаю это, потому что видел близких мне людей проходящими через очень сложные жизненные ситуации. Мой старший брат попал под поезд, лишился ноги, это была жуткая трагедия. Но он сумел стать заслуженным изобретателем, счастлив в семье, отец двоих детей. В Америку он приехал инвалидом, вдобавок без знания английского.

А недавно позвонил, что его приглашают в штат Каролина, в хорошую фирму на высокооплачиваемую работу как инженера высшего класса! То есть он сам себя сделал, вот что важно.

В нашей жизни быть просто достойным, порядочным человеком — уже очень много. Но это не значит, что ты будешь счастлив. Для счастья нужно чего-то достичь. Это не всегда получается, но стремиться нужно. Я в это верю и вообще верю в простые понятия: любовь, честность, порядочность, здравый смысл.

— Высокие материя — вещь хорошая, но ведь и на жизнь надо зарабатывать. Как это удается, раз кино у нас заведомо убыточно?

— Не знаю, у кого оно убыточно. У меня — нет. Меня кино кормит. Во всяком случае, “Ты у меня одна” кормила, “Изыди” кормило, а если “Все будет хорошо” не накормит, так это уж вопрос к продюсерам.

— А в то, что ваши фильмы могут что-то изменить в жизни, верите?

— Конечно. Сам когда-то испытал подобное потрясение, правда не от кино, а от театра. Пришел в БДТ на спектакль “Фантазия Фарятева”, где играли Юрский, Тенякова, и был совершенно ошеломлен. А до этого мы разошлись с одним человеком, и я себя считал виноватым перед ним, мучился. И именно после спектакля понял, что все наши амбиции — тлен, пошел к этому человеку домой, объяснился. И друг был очень рад этому. Так что люди под воздействием искусства совершают какие-то поступки в жизни. И я верю, что кино, которое делаем, может пробуждать “чувства добрые”. А иначе зачем им заниматься?

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА. Санкт-Петербург.

“Красную шапочку” Астрахана съел обком

А то бы и в Свердловске

зрители

смеялись

животным

смехом

БДТ, и я вернулся в Ленинград, ставил спектакли на разных сценах, пока не оказался в Театре комедии. Чем это кончилось, вам известно. Так что конфликты со средой, можно сказать, меня преследуют. Хотя со многими бывшими “противниками” сохранил хорошие отношения: я по природе человек незлобивый.

— Просто уродились таким, который в общие рамки не вписывается? Или в младенчестве все было по-другому?

— Младенчество прошло в суточных яслях. Я — пятый сын в семье. Родители — историки. Мама книги писала, вела отдел в Публичной библиотеке, даже докторскую подготовила, только на защиту сил из-за нас не хватило. Мамина тема была — “Печать Парижской коммуны”, а папа писал книги по истории партии, и у него было скандальное по тому времени произведение “Большевики и их политические противники в семнадцатом году”.

В доме всегда был высокий счет друг к другу. Нам, скажем, в голову не приходило хамить, грубить — этого бы никто в семье не понял. Конечно, у родителей были свои сложности. Мама всю жизнь вынуждена была скрывать, что ее отец — “лишнев”, иначе не дали бы учиться. Отец всю войну прошел, вернулся с жадной чего-то добиться в науке, жил только работой и домом и нас к этому приучил. Когда кто-нибудь говорил, что ему надо подумать, отец объяснял, что особенно хорошо думается, когда моешь посуду или по дороге в булочную.

Не знаю, как родители умудрялись оказывать внимание всем нам пятерым: мы очень разные. Помню, как-то мамыны друзья у нас заночевали, утром со всеми сели завтракать и были потрясены: “Как, ты одному варишь гречневую кашу, другому — рисо-

по одному — как раз когда я снимал “Изыди”. Один — строитель, двое — электронщики, устроились все прекрасно. А еще один брат, Гриша, тренер по гимнастике, приехал, не зная языка, в Мичиган и уже на следующий день имел работу, а через полгода вывел местный клуб на первое место в штате.

— Тогда почему вы — здесь?

— У меня другая работа. Театр, кино — все это связано с языком в первую очередь. И потом, будем честны: я могу реализовываться только здесь. Конечно, если предложат снять фильм в Голливуде, поеду и сниму. Но признание в нашей профессии очень важно иметь на родине. Хотя мы и стараемся делать кино, понятное всем, но обращаемся прежде всего к нашему народу.

— Почему театральный режиссер Астрахан пришел в кино?

— Если сказать просто и честно, привлекли слава и деньги. И того, и другого в кино больше, чем в театре. Сложность в том, что сама “кормушка” — глубокая и узкая. Еще в Свердловске я за десять дней снял двухсерийный телеспектакль на натуре. А в восемьдесят пятом году познакомился с Олегом Даниловым. В Свердловском ТЮЗе поставил его первую пьесу, “Три пишем, два в уме”, которая тогда почти всю страну обошла. Она — про ПТУ. Олег там шестнадцать лет отработал и все про эти дела знает. На Олега спектакль произвел сильное впечатление. А у него как раз запускался сценарий на “Ленфильме”, и я по рекомендации автора попал туда.

В результате познакомился с Алексеем Германом, и тот сказал: “Надо написать идею. Гениальную. Тогда запустим фильм”. Мы с Олегом напряглись и принесли ему одну идею, вторую. Вторая была “Изыди”. Герман на это:

— Как вам работаете в паре?

— Хорошо. Возможно, скажется общее воспитание: отец Олега, драматург Даниил Аль, как и мои родители, учился в Ленинградском университете, да еще и на параллельном курсе. Обычно Олег предлагает идеи, а я их фильтрую, выступаю в роли отборочной комиссии. Каждый из нас занят своим делом: Олег — драматургией, я — режиссурой. Но оба мы — люди убеждаемые и стараемся слушать друг друга. Олега я считаю, да простят меня другие, лучшим киноматургом страны. Он очень талантлив, профессионален и очень современен. Сужу об этом не только по кино. В Театре комедии идут три спектакля, которые я делал по пьесам Данилова. Мечтаю поставить его последнюю пьесу “Подари мне лунный свет”. А со следующего сезона должен начать в БДТ работу над американским сценарием тридцатых годов “Леди на день” в адаптации Олега.

— В героях ваших фильмов героического мало. О таких раньше говорили: простые люди. Почему именно они вас привлекают?

— Я должен иметь возможность себя с героем идентифицировать. Тогда мне интересно следить за человеком, который на моих глазах проходит некий путь. Конечно, героя надо ставить в экстремальные ситуации, иначе это не драматургия. Можно ли смотреть, как люди долго пьют чай? Можно. Интересно это? Не очень. За нашей с вами беседой третьему человеку следить было бы скучно. Но если при этом на глазах жены я стал бы вас под столом соблазнять, сразу возник бы драматизм: ах, мерзавец, совращает корреспондентку, а бедная жена их чаем поит.

Так и в наших фильмах. У нас каждый герой совершает

американская мечта, у нас — советская: белый “Мерседес”, вилла в Майами, муж — миллионер... В фильме “Все будет хорошо” вы решили над этим посмеяться?

— Почему? У нас все это выглядит не только смешно, но и трогательно, как в сказке. А сказка — вещь хорошая, не зря ее и Гофман любил, и братья Гримм — авторы великих книг, переживших столетия. Надеюсь, и наша киносказка проживет долго, ведь мечта о счастье, исполнении желаний в каждом живет. Поэтому, когда в нашем фильме дедушка в инвалидной коляске мчит по шоссе к своей бабушке, когда папа в театре расшвыривает охранников, защищая сына, а к девочке из общежития любимым приезжает на трех “Мерседесах”, в зале не смеются. Аплодируют!

— И дальше собираетесь снимать в таком же духе?

— Сейчас я должен снимать с немецким продюсером фильм “Из ада в ад”. Сценарий под таким рабочим названием предложили немцы, писали его поляки, а переписывать все пришлось Олегу Данилову. Речь идет о еврейском погроме сорок шестого года в Польше: поляки громили евреев, вернувшихся из лагерей. Снимать будем в Минске, там у киностудии договор с немцами. Мне это приятно, поскольку недавно в Минске на фестивале “Листопад” мне вручили приз зрительских симпатий.

И тут же немцы предложили снять еще один фильм — мелодраму “Казахстан леди”: про девочку из Казахстана, которая пережила семипалатинские ядерные дела, больная лейкемией и приезжает в Германию, где с ней случаются разные приключения. Все это можно показать и забавным, и грустным, и трогательным. А еще мы с Олегом заключили договор с ОРТ — пишем сце-